

МУРАД МУСАЕВ

**ЗАЩИТА
ЖЕРТВ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Мурад Мусаев

Защита жертв преступлений

«Спорт»

2012

ББК 67.404

Мусаев М. А.

Защита жертв преступлений / М. А. Мусаев — «Спорт», 2012

ISBN 978-5-904885-59-5

Работа представляет собой системное изучение вопросов правовых и социальных средств защиты жертв преступных посягательств и злоупотребления властью с использованием отечественного и международного опыта. Проблемы защиты жертв преступлений, включая жертв терактов, рассматриваются в свете уголовной политики государства и соответствующих социальных мер. В числе задач уголовного судопроизводства обосновывается приоритетное значение защиты потерпевших, что связано с необходимостью концептуальных изменений УПК РФ. На базе обобщенного отечественного и зарубежного опыта предложены ориентиры определения размеров денежных компенсаций имущественного и морального ущерба жертвам преступлений. Обосновывается необходимость создания комплексного правового акта – Кодекса защиты жертв преступлений и злоупотребления властью, предложен проект Положения о государственном фонде возмещения вреда жертвам преступлений (с необходимым обоснованием). Сформулированы предложения об изменении и дополнении норм УПК и УК РФ. Книга предназначена как для специалистов правоохранительной системы, так и для широкого круга читателей.

ББК 67.404

ISBN 978-5-904885-59-5

© Мусаев М. А., 2012

© Спорт, 2012

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
§ 1. Основные права человека и их обеспечение	10
§ 2. Международные пакты о правах человека и защите жертв преступлений	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мурад Алаудинович Мусаев

Защита жертв преступлений

© Мусаев М.А., текст, 2012

© Издательство «Человек», издание, 2012

* * *

Предисловие

Представляемая работа, хотя и имеет в своей основе нами ранее опубликованную монографию «Правовые и социальные средства защиты жертв преступных посягательств», не является её повторением и может претендовать на самостоятельную жизнь. Новыми материалами, повышающими убедительность наших предложений и их значение, как для законодателя, так и для совершенствования общих условий защиты жертв преступных посягательств, являются материалы социологических опросов работников правоохранительных органов, судей и адвокатов, данные о работе полиции по её борьбе с преступностью в 2011 г., новые материалы аргументированной оценки отечественной статистики. Разработан впервые в нашей юридической литературе проект Положения о государственном фонде возмещения вреда жертвам преступлений (с необходимым обоснованием). Сформулированы предложения об изменении и дополнении норм УПК и УК РФ. Существенно расширено освещение деятельности Уполномоченного по правам человека и НПО в интересующих нас направлениях. Упорядочена и включена в книгу библиография.

Проблемы, как правовые, так и социальные, особенно актуализировались на протяжении последних нескольких десятилетий с выходом преступности на международный уровень, оснащением её современными техническими средствами, совершенствованием её организационных форм.

Вместе с ростом преступности в стране возрастает и количество её жертв. Под угрозой оказываются свобода, здоровье, имущество, доброе имя и сама жизнь человека. Страх за себя и близких становится одной из доминант психологического состояния личности в современном криминализованном обществе. Вопросы защиты населения страны от преступных посягательств не могут не привлекать внимание государственной власти и общественности. Периодически к ним обращается и юридическая наука, призывая к преодолению исконной инертности государственных структур и гражданского общества в защите самой обиженной части нашего общества.

Ограждение граждан от преступных посягательств, использование различных видов материальной и психологической компенсации вреда, причиняемого жертвам преступлений, становятся одной из актуальных задач современных государства и общества. Решению этой задачи во многих странах посвящаются специальные законодательные акты, создаются государственные и общественные фонды помощи жертвам преступлений. Российское законодательство в этом отношении существенно отстает от зарубежного.

Надежды на изменения, связанные с судебной реформой в России, не оправдались. Одним из существенных недостатков нового УПК РФ является его однобокая ориентация на защиту обвиняемого и игнорирование интересов процессуальной фигуры потерпевшего. Выводы криминологической науки о том, что граждане, пострадавшие от преступлений, избегают обращений за защитой в наши правоохранительные органы, считая это бесполезным, сохраняют свою актуальность и ныне.

Надежной статистики, свидетельствующей о количестве лиц, пострадавших от преступлений, нет. Отдельные официальные источники сообщают, что это число давно перевалило за два миллиона и составляет ныне 2 303 752 человека¹. Подлинное количество и преступлений и жертв преступности неведомо ни правоохранительным органам государства, ни криминологической науке. Осведомлённые эксперты предлагают увеличить официальные статистические данные в 7-10 раз.

---

¹ См. Состояние законности и правопорядка в РФ и работа органов прокуратуры в 2008 г. М., 2009 г., с.179.

Удельный вес возмещения вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам по делам, оконченным производством следователями Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации в 2008 г., составил 12,2 %². За последние 8 лет осталось нераскрытыми порядка 11,3 млн. зарегистрированных преступлений³, вред от которых остаётся не возмещённым.

В последние годы были проведены рядом авторов значительные исследования положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Но их рекомендации и предложения о защите потерпевших остаются в запасниках юридической науки. В сущности, такая же судьба постигла и многие международные пакты, объявленные частью правовой системы России, в частности – «Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью», принятую 96-м пленарным заседанием Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года.

Задачи нашего исследования мы видим не только в том, чтобы обобщить уже выстраданные идеи и напомнить о них, но и посмотреть на проблему правовой и социальной защиты жертв преступлений с позиции современной преступности, правовой идеологии и нынешнего законодательства, включая международный опыт защиты жизни, здоровья, имущества и доброго имени человека.

---

² О состоянии преступности в Российской Федерации и результатах работы органов Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации за 2008 г. // Вестник Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. 2009. № 2(4). С.64.

³ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2008 год: информ. – аналитич. доклад: М., 2009. Ч. II. С. 13, 23, 26, 27.

Глава первая

Жертвы преступности как объект правовой и социальной защиты

Вопросы прав и свобод человека, крайне актуализировавшиеся после Второй мировой войны, свое первое воплощение на международном уровне нашли в решениях Организации Объединенных Наций. Её Устав, подписанный в Сан-Франциско 26 июня 1945 г., начинался торжественным утверждением ценности человеческой личности. «*МЫ, НАРОДЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, ПРЕИСПОЛНЕННЫЕ РЕШИМОСТИ* избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций»... Следующим шагом ООН было принятие Всеобщей декларации прав человека (10 декабря 1948 г.), оказавшей большое влияние на развитие национальных законодательных актов, прежде всего конституционных разделов о статусе личности. Впервые в истории мировой цивилизации на планетарном уровне получил признание принцип «суверенитета человеческой личности», основу которого составляют естественные права и свободы, принадлежащие каждому человеку вне зависимости от его политических взглядов, национальности, вероисповедания, гражданства, пола или имущественного положения.

И ныне можно с чувством удовлетворения отметить, что последующее развитие цивилизации достигло значительных успехов в гуманизации общественных отношений, развитии и воплощении принципов демократии, правовых и социальных гарантий основных прав человека и гражданина.

Переживаемый нашей страной период системных общественно-политических перемен и в научном, и в практическом планах с особой остротой ставит вопрос об отношениях между государством и обществом, о характере и динамике этих отношений. Процесс демократических преобразований российского общества, его политическое, экономическое и социальное реформирование, создание истинно демократического, правового государства невозможны без обеспечения защиты прав человека.

Однако поступательное развитие любого национального законодательства, включая и наше отечественное, не свободно от отклонений от общих принципов равенства прав граждан и средств их защиты. Нередко мы оказываемся свидетелями тех или иных предпочтений законодателя, оказываемых интересам отдельных социальных групп. Появляется социальная элита, ограждённая дополнительными средствами правовой защиты. В наших условиях это выразилось в создании гипертрофированных юридических иммунитетов для депутатов, судей, других групп чиновников, практически потворствующих их злоупотреблениям. Обновление уголовно-процессуального законодательства, проходившее под лозунгом принципов состязательности и равенства прав противоборствующих сторон, создавало сложную систему гарантий для обвиняемого и игнорировало (в значительной мере) интересы жертвы преступного посягательства. Надо признать, что этот порок имел распространение и в правовых системах других стран и потому на международном уровне стали появляться специальные правовые акты о защите жертв преступных посягательств. Они должны были бы восполнить пробелы нашего законодательства, ибо за ними признана роль его составной части. Но так обстоит дело в конституционных декларациях, в которые правоприменительная практика вносит свои коррективы.

В теории права в этой связи появилось и успешно стало развиваться новое направление – философия прав человека, ставящая задачу мировоззренческого и методологического осмыс-

ления феномена прав и свобод личности и их соотношения с государственным монстром, продолжающим во всем мире традиционно если не подавлять, то ограничивать её свободу и индивидуальность.

Положение личности определяется правовыми нормами в первую очередь, но не только. Имеют значение и иные регуляторы общественных отношений – мораль, корпоративные уставы и правила, требования традиционной культуры и обычаев. Поэтому правовой статус человека в его философском аспекте принято увязывать с иными социальными нормами и явлениями. В нашем исследовании мы не ставим задачу так далеко уходить от права. Для нас жертва преступления и её процессуальное воплощение в фигуру потерпевшего – явление юридическое, поддающееся исследованию прежде всего методом логико-юридического анализа. Моральные критерии, к которым обращение неизбежно, присутствуют главным образом в категории справедливости, к которой закон прибегает при оценке судебных решений.

§ 1. Основные права человека и их обеспечение

Возможны различные подходы к определению системы прав человека, их классификации и, соответственно, способам защиты. Одним из наиболее приемлемых способов классификации прав человека является выделение в их массиве трёх групп: а) личные (гражданские), б) политические, в) экономические, социальные, культурные⁴.

Основными правами и свободами личности считаются те из них, которые составляют общий правовой статус человека и гражданина. К ним относятся право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, свободу слова, вероисповедания, свободу передвижения и выбора места жительства и др. Некоторые авторы добавляют к ним право не подвергаться пыткам, насилию, право на личную и семейную тайну, право на защиту чести и достоинства, на судебную защиту и др⁵. Эти права содержатся, как правило, в конституциях государств и международно-правовых документах по правам человека.

Они считаются абсолютными, их ограничение не допускается в демократических государствах ни при каких обстоятельствах. «Они признаются основными субъективными правами не в каком-то философском, моральном, социологическом, а в собственном юридическом смысле – признаются критерием правового качества законодательства и государственного управления, действуют непосредственно и защищаются судом»⁶.

Ряд положений Конституции РФ подтверждает именно такой подход к оценке правового статуса личности.

«В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17 Конституции РФ).

«Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции РФ).

В формировании правового статуса личности и создании условий практической реализации прав и их защиты определяющее место, как видим, занимают Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы права, законы, принимаемые на федеральном уровне. К ним примыкают «постановления Конституционного Суда РФ, выполняющего роль «негативного законодателя» или «суперзаконодателя», постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых даются фактически обязательные для других судов общей юрисдикции и арбитражных судов разъяснения по вопросам судебной практики»⁷.

Вместе с тем мы не считаем приемлемым ограничение защиты жертв преступлений кругом только основных прав личности, хотя их нарушение представляется и наиболее очевидным, и нетерпимым. Преступное посягательство возможно не только на них, но и на те права,

⁴ Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для вузов. М. Инфра, 1996 г.; Теория и практика защиты прав человека под ред. Е.В. Середы. М. Юриспруденция, 2004 г., с. 28–51.

⁵ Большой юридический словарь. М. Инфра-М, 1998 г.

⁶ Конституция Российской Федерации – проблемный комментарий. М. 1997 г., стр. 28.

⁷ См. Конституция Российской Федерации – проблемный комментарий. М. 1997 г., стр. 51. Мы не касаемся здесь нормотворчества органов управления и законодательных органов субъектов Федерации, которые не должны противоречить Конституции РФ и общепризнанным принципам и нормам международного права. Постановления Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ нами затрагиваются здесь в той мере, в какой они касаются интерпретации и использования отечественной правоприменительной практикой общепризнанных принципов и норм международного права.

которые по классификации отнесены к политическим, экономическим, социальным и культурным. Можно представить себе ситуацию, когда лицо временно лишают свободы с тем, чтобы исключить его участие в избирательной кампании. Покушение на экономические права личности может достигаться созданием препятствий для ведения бизнеса, что достаточно изощрённо делают чиновники, злоупотребляя служебным положением. И т. д. При рассмотрении сущности и содержательной характеристики вреда (ущерба), причиняемого физическому лицу преступными посягательствами в материально-правовом смысле, мы выделяем наряду с физическим, имущественным, моральным вредом также вред в виде существенного ущемления его основных и *иных* прав.

Для цивилизованного общества свойственно к правам личности относить и их гарантии в виде «притязаний на защиту общего правового статуса – полицейскую и судебную»⁸. Важнейшую группу таких гарантий составляют процессуальные гарантии: право на судебную защиту, на квалифицированную юридическую помощь, право обвиняемого считаться невиновным, пока виновность не будет доказана вступившим в законную силу приговором суда, право потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба и др. Основные процессуальные гарантии закрепляются в Конституции и находят детальное развитие в принципах и нормах процессуальных отраслей законодательства.

Тема прав человека на протяжении последних нескольких десятилетий находится в центре внимания законодателей, правоохранительных структур государства и средств массовой информации. Это связано с преодолением последствий расистской идеологии после Второй мировой войны, принятием мировым сообществом ряда пактов о правах человека, постепенным уходом от тоталитарных режимов, развитием глобализационных процессов и представлений о сущности демократии. Ограничение прав человека, переходящее в деспотическое их попрание, явилось одной из причин разочарования в коммунистической идее и разрушения советской империи. Это произошло тогда, когда стало очевидным, что за лозунгом неукоснительного соблюдения социалистической законности стоят интересы государственного монстра, оттеснившего личность на задворки общественного бытия.

Гуманистические лозунги демократии и прав человека оказались мощным идеологическим оружием на международной арене, приобретая всё более очевидный спекулятивный характер. Именно их эксплуатация позволила США стать мировым гегемоном, объявлять по своему усмотрению государства «империями зла», оправдывать собственные вооруженные агрессии благородной миссией защиты демократических ценностей. Эти лозунги охотно приняли в свой арсенал и некоторые национальные партии политической оппозиции, расшатывая устои общественной и политической жизни в своих странах. Так рождались «оранжевые революции», завуалированной целью которых являлась смена правящей элиты ценой новых разрушений и углубления народных бедствий.

Эксплуатация лозунга защиты прав человека в чисто политических интересах интенсивно продолжается. Задача науки – отделить зёрна от плевел.

Приобщение России к демократическим ценностям на рубеже XX–XXI столетий началось также с провозглашения идей незыблемости прав человека, торжества закона как «единственно приемлемой диктатуры», активизации общественной жизни через формирование гражданского общества и его институтов. Закон и институты гражданского общества должны были обуздать государство и олицетворяющего его чиновничью касту, поставить их на службу человеку. Конституция РФ, одобренная всенародным волеизъявлением в 1993 году, создавала для этого благоприятные условия. Ею устанавливается не только развёрнутая система демократических прав и свобод человека, но и гарантии их реализации в виде обязанностей государ-

---

⁸ См. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий. М. 1997 г., с. 29.

ства и его органов обеспечивать их осуществление. Важнейшим конституционным принципом является положение о том, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). Эта обязанность распространяется на все три ветви государственной власти. «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18).

Конституцией провозглашено равенство всех перед законом и судом, право на свободу и личную неприкосновенность. «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» (ст. 21). «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ст. 46). Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52).

Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (Статья 53).

В целом раздел Конституции РФ «О правах и свободах человека и гражданина» мог бы с честью выдержать сравнение с соответствующими положениями любой конституции мира! Эти достижения Основного закона страны отмечались на научной конференции, прошедшей в виде «Круглого стола» в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ 3 декабря 2008 г., посвященной 60-летию Всеобщей декларации прав человека и 15-летию Конституции РФ.

Выступающие ведущие ученые-юристы отметили огромное влияние Всеобщей декларации на национальное законодательство. В конституциях более чем 110 стран мира имеются в той или иной степени ссылки на Декларацию, которую можно рассматривать как своеобразный международный кодекс, впервые закрепивший универсальный перечень прав и свобод человека на международно-правовом уровне в качестве признаваемых большинством государств правовых стандартов.

Вместе с тем подчеркивалось, что Российская Конституция 1993 г. пошла дальше положений Всеобщей декларации, провозгласив высшей ценностью не права человека как таковые, а самого человека. Многие закрепленные в Конституции Российской Федерации права и свободы человека по своему содержанию более полны и насыщены по сравнению с нормами Декларации. А целый ряд прав и свобод, направленных на защиту интересов граждан России, нашел закрепление в статьях Конституции, не имея аналогов во Всеобщей декларации прав человека⁹.

Но закон, даже если это Основной закон страны, не всегда совпадает с реальной правовой жизнью. Распространенность нарушений закона в сфере прав человека, высокий уровень преступности, включая её латентную часть, изощрённость злоупотреблений должностных лиц, необъективность и дегуманизация правоприменителей лишают рядовых граждан уверенности в своей защищенности.

Обобщенных достоверных данных о нарушениях прав граждан России и состоянии их защиты ни правоохранительные органы, ни руководители государства не имеют в силу отсутствия надлежащего учета. Но есть косвенные показатели, позволяющие составить некоторое представление о положении дел в этой сфере. НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ

---

⁹ О.И. Тиунов – Всеобщая декларация прав человека в нормах международного и конституционного права. Журнал российского права, 2009 г. № 2.

проводит ежегодный мониторинг состояния законности и правопорядка в Российской Федерации. Его основу составляют материалы практики прокурорского надзора, ущербной статистики и результатов научных исследований. Этими исследованиями подтверждается, в частности, «долговременная тенденция роста нарушений закона». О том же свидетельствуют и материалы прокурорских проверок. Так, в 2008 г. прокурорами выявлено 4 231 597 правонарушений, что на 14,1 % выше, чем в 2007 г.¹⁰ При этом их наибольшее число касается сферы соблюдения прав и свобод человека и гражданина: в 2006 г. – 1 207 673; в 2007 г. – 1 301 860; в 2008 г. – 1 461 170¹¹. В 2009 г. прокурорами обнаружено правонарушений на 10,5 % больше, чем в 2008 г.¹² Эти нарастающие цифры можно связывать с повышением активности прокурорского надзора. Но не менее убедителен и другой вывод – о нарастании беззаконий в стране.

Лавинообразно нарастала преступность (зарегистрировано в 2008 г. 3 209 862 преступления). При этом «по самым осторожным оценкам, число латентных преступлений в 2008 г. более чем в семь раз превысило число зарегистрированных»¹³. Исследованиями 2009 г. эта цифра подтверждена: 23 миллиона преступлений не были учтены в документах официальной статистики, и лица, их совершившие, остались безнаказанными»¹⁴. За пределами правовой защиты оказались и жертвы этих преступлений. Но и в тех случаях, когда преступление зарегистрировано в связи с настойчивостью пострадавшего, это вовсе не обеспечивает ему моральных и материальных компенсаций. Число нераскрытых преступлений, несмотря на многообещающие реорганизации следственного аппарата, не только не снижается, а, как и сама преступность, имеет тенденцию роста. «Если в 2001 г. из известных нераскрытыми осталось 29 % зарегистрированных преступлений, то к 2009 г. этот показатель возрос до 56 %. Всего за девять лет XXI века осталось нераскрытыми порядка 12,6 млн. зарегистрированных преступлений»¹⁵.

Не снижается и количество граждан, пострадавших от беззаконий в правоохранительной сфере. Всё это свидетельствует о низком уровне правовой защищенности личности и актуальности самой этой проблемы.

Некоторый интерес для оценки состояния законности и нарушений прав граждан представляют сведения об их обращениях за помощью к адвокатам. Надёжной статистики и в этой сфере тоже нет. Но есть данные о выполняемых адвокатами бесплатных поручениях в виде юридических консультаций, составления документов правового характера, представительства в гражданском судопроизводстве, в органах местного самоуправления и др. Таковых выполнено в 2007 – 994 629, в 2008 – 1 112 882. По уголовным делам адвокатами выполнено по назначению органов уголовного преследования и суда в 2008 г. более 2 млн. поручений¹⁶.

Вместе с тем ознакомление с адвокатской практикой показывает, что в ней удельный вес правовой помощи, оказываемой жертвам преступлений, выступающих в роли потерпевших в уголовном процессе, минимален.

Результаты анкетирования адвокатов 28 региональных адвокатских палат показали, что только 7 % опрошенных адвокатов осуществляют судебное представительство в уголовном процессе интересов потерпевших. При этом 93 % ответили, что участвуют в уголовных делах

¹⁰ Состояние законности и правопорядка в РФ и работа органов прокуратуры. 2008 год. Информационно-аналитический доклад. М. 2009 г. стр. 5.

¹¹ Там же, стр. 6.

¹² Состояние законности и правопорядка в РФ и работа органов прокуратуры. 2009 год. Информационно-аналитический доклад. Часть I, М. 2010 г. стр. 25.

¹³ Состояние законности и правопорядка в РФ и работа органов прокуратуры. 2008 год. Информационно-аналитический доклад. М. 2009 г. стр. 16.

¹⁴ Состояние законности и правопорядка в РФ и работа органов прокуратуры. 2009 год. Информационно-аналитический доклад. Часть I, М. 2010 г. стр. 14.

¹⁵ Там же, стр. 14.

¹⁶ Статистические данные по адвокатуре здесь и далее приводятся по публикациям Совета ФПА РФ в «Вестнике ФПА».

исключительно с целью защиты (подозреваемого) обвиняемого¹⁷. Это и понятно: ни Конституция РФ, ни уголовно-процессуальное законодательство не предусматривают возможность предоставления потерпевшим (в отличие от обвиняемых) бесплатной юридической помощи. Привлечь же адвоката за свой счёт потерпевший, как правило, материальной возможности не имеет¹⁸.

За всеми этими данными и цифрами скрывается и беспомощность правоохранительной системы, и безнаказанность преступников, и трагедии жертв преступлений, не получающих ни материальных, ни моральных компенсаций. В странах Запада уже многие годы принимаются на государственном уровне меры по снижению остроты проблемы для жертв преступлений путём организованной системы компенсаций ущерба из государственных и общественных фондов. Власть исходит из того, что между государством и обществом как бы существует договор по поводу обеспечения защиты гражданина от неправомерных посягательств. И если государство не справляется с преступностью, оно обязано искать дополнительные меры материальной реабилитации пострадавших.

В России такая помощь жертвам не организована, не созданы и фонды, средства которых можно было бы использовать для помощи. Между тем, эти вопросы ставятся общественностью давно, и были даже попытки их решения. Однако решения не состоялись, и жертвы преступности чаще всего остаются наедине со своей бедой.

В посланиях Президента страны и в выступлениях СМИ многократно отмечалась опасность, исходящая от разрастающейся преступности. Подчеркивалось, что она угрожает не только безопасности граждан, но и проводимым реформам, самому государственному строю. Если жизнь человека, его здоровье и собственность не имеют надежной защиты со стороны государства, то следствием этого является не только падение престижа власти, рост правового и нравственного нигилизма, но и бесперспективность экономических реформ, что чувствует каждый из нас.

Всё это вроде бы осознаётся руководителями государства и ветвями власти, но действенных мер по защите жертв преступлений в социальном и правовом плане пока даже не намечено. И вновь, в очередном послании Президента Федеральному собранию (10 ноября 2010 г.) мы читаем призыв к чиновникам «не прятаться по кабинетам и наблюдать за тем, как на их территории растёт и нагнет криминал. Они должны делать всё, чтобы люди не боялись за свою жизнь и жизнь своих близких, не опасались потерять своё здоровье, имущество и человеческое достоинство».

В отношении законодателя к проблеме защиты жертв преступлений весьма показательна эволюция позиции на конституционном уровне. В Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой в 1991 году, было записано: **«Права жертв преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает им доступ к правосудию и скорейшую компенсацию причиненного ущерба»** (статья 33)¹⁹. Этой статьей Декларации была дополнена Конституция 1978 года. Однако в ныне действующей Конституции, принятой в 1993 году, эта норма сформулирована таким образом, что обязательства государства как защитника своих граждан существенно ограничены. Статья 52 гласит: **«Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспе-**

---

¹⁷ Почечуева О.С. Особенности деятельности адвоката – представителя потерпевшего в российском уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М. 2009 г.

¹⁸ А.П. Галоганов – Председатель президиума Московской областной коллегии адвокатов (ныне – Президент адвокатской палаты Московской области и вице-президент ФПА РФ), соглашаясь с соображениями о необеспеченности потерпевших правовой помощью, вынужден был констатировать: «На адвоката и коллегии никто не возлагает обязанности оказывать бесплатную юридическую помощь потерпевшим. Государство как бы вообще «забыло» о потерпевших, механизма оказания им бесплатной юридической помощи не предусматривает» – Сборник – Проблемы защиты жертв преступлений. М. 1999 г., с. 20.

¹⁹ Декларация прав и свобод человека и гражданина (принята в 1991 г.)

чивает потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба». Речь, как видим, уже идет не о *жертвах* преступлений и злоупотребления властью, а о *потерпевших*, то есть процессуально признанных таковыми, а скорейшая компенсация, которую якобы обеспечивает государство, заменена туманным обещанием компенсации в неустановленные сроки.

Уместно отметить и еще одну попытку законодателя проявить внимание к жертвам преступлений. Закон РСФСР «О собственности в РСФСР» (24 декабря 1990 г.) в статье 30 часть 3 устанавливал: «Ущерб, нанесенный собственнику преступлением, *возмещается государством* по решению суда. Понесенные при этом государством расходы взыскиваются с виновного в судебном порядке в соответствии с законодательством РСФСР». Как видим, было принято обязательство обеспечить компенсацию жертвам преступления за счет государства. Предвидя возможную лавину исков потерпевших по возмещению ущерба от преступлений, оставшихся нераскрытыми, государство подстраховалось. Верховный Совет РСФСР в постановлении о введении в действие закона РСФСР «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 г. N 444-1 указал: Пункт 3 статьи 30 Закона РСФСР «О собственности в РСФСР» ввести в действие с 1 июля 1991 года. Было также установлено, что Закон РСФСР «О собственности в РСФСР» применяется к правоотношениям, возникшим после введения в действие Закона, то есть с 1 января 1991 года.

Но эта норма оказалась мертворожденной: нераскрытых преступлений было слишком много, чтобы бюджет мог справиться с задачей материальной поддержки их жертв.

В связи с объявленным в 1994 г. мораторием на применение указанного положения закона о собственности, а затем и отменой самого этого закона, приведенная конституционная норма статьи 52 выглядит в целом не как средство защиты человека, а как способ уклонения государства от своих обязанностей по защите граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации своим определением от 11 апреля 1997 г. N 82-О косвенно поддержал эту странную эволюцию отечественного законодательства²⁰. Дело Конституционным Судом рассматривалось по заявлению гражданина В.И. Калабишко, обратившегося в КС РФ «с просьбой проверить конституционность статьи 2 Федерального закона от 30 ноября 1994 года «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», которой с 1 января 1995 года признан утратившим силу Закон РСФСР от 24 декабря 1990 года «О собственности в РСФСР», а следовательно, **и пункт 3 его статьи 30, согласно которой ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством по решению суда.** Признание этой нормы утратившей силу, по мнению заявителя, не соответствует требованиям статей 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Поводом для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации послужили решения судебных инстанций города Санкт-Петербурга, вынесенные в 1995 году, которыми заявителю на основании статьи 2 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» отказано в иске о возмещении ущерба, причиненного кражей автомобиля.

Секретариат Конституционного Суда Российской Федерации в пределах своих полномочий уведомлял заявителя о несоответствии его жалобы требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», однако В.И. Калабишко настаивает на принятии Конституционным Судом Российской Федерации решения по этому вопросу.

2. *Статьей 2 Федерального закона от 30 ноября 1994 года «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» признан утратившим силу Закон*

²⁰ Конституционный Суд РФ. Определение от 11 апреля 1997 г. N 82-О о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 30 ноября 1994 года.

РСФСР от 24 декабря 1990 года «О собственности в РСФСР». Данная норма, устраняя определенный механизм возмещения вреда, причиненного преступлением, не исключает применения к такого рода правоотношениям положений Конституции Российской Федерации, гражданского законодательства, позволяющих разрешать споры о возмещении вреда.

Однако определение того, какой именно закон подлежит применению в конкретном деле при наличии тех или иных фактических обстоятельств, отнесено к компетенции судов общей юрисдикции. При этом в соответствии со статьями 15, 18, 120 Конституции Российской Федерации и с учетом разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», суды общей юрисдикции обеспечивают непосредственное действие конституционных прав граждан, в том числе закрепленного в статьях 52 и 53 Конституции Российской Федерации права на возмещение вреда, причиненного преступлением или незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц. Конституционному Суду Российской Федерации разрешение таких вопросов неподведомственно. Кроме того, проверка конституционности статьи 2 Федерального закона от 30 ноября 1994 года о признании утратившим силу другого закона была бы невозможна без проверки конституционности последнего, однако как недействующий он не оспорен и не мог быть оспорен заявителем.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 40, пунктами 1 и 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калабишко Василия Ивановича как не являющейся допустимой в соответствии с требованиями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и ввиду неподведомственности поставленного в ней вопроса Конституционному Суду Российской Федерации.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит».

Этим определением высший суд страны признал, по сути, что законодатель может по своему усмотрению лишать граждан тех средств защиты, которые устанавливал ранее. Статья 55 Конституции РФ действовала и тогда, действует и теперь:

«1. Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

2. В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Остаются вопросы: в какой мере положения Конституции подкреплены отраслевыми законами и практикой их применения и почему КС РФ в приведенном случае не усмотрел отступления законодателя от требований статьи 55 Конституции РФ.

Одним из главных положений, составляющих фундамент правового государства, является принцип **равенства прав участников общественных отношений, исключаящий дискриминацию и привилегии.**

Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.), являющаяся ориентиром для правовых систем государств, входящих в состав Организации Объединенных Наций, в Преамбуле подчёркивает: «Признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...». Это положение находит логическое развитие в статьях 1 и 7 Декларации: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах... Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право

на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации». Эти принципы нашли отражение и в других международных пактах о правах человека. Включены они, как это отмечено выше, и в положения Конституции Российской Федерации.

Очень скоро мы убедились, что положение о равенстве прав как не действовало в нашем отечестве ранее, так не действует и теперь. Но если в условиях «победившего социализма» отступления от этого принципа во имя благ партфункционеров стыдливо камуфлировалось, то теперь это стало государственной политикой, открытой и циничной, оправдываемой некими высокими целями.

Привилегии самого различного характера, как правило, не обозначенные в законе, в социалистическом обществе лежали в основе субъективных прав личности с учетом её места в социальной иерархии. То были привилегии в распределении жилья, в льготах при оплате коммунальных услуг, в здравоохранении (спецполиклиники и санатории), в построении систем оплаты труда (доплата в конвертах) и пенсионного обеспечения (категории персональных пенсионеров республиканского и союзного значения), пользовании закрытыми распределителями, государственными дачами, персональным транспортом и пр. и пр. Заметим, что речь не шла о привилегиях и льготах для социально незащищенных слоёв общества (стариках, инвалидах, детях), либо о людях с особыми заслугами перед обществом. Обеспечивались льготами в основном партфункционеры и чиновники высших эшелонов власти.

Скрытый смысл подмены права привилегиями состоял в делении классов на социальные группы, а государственная власть, обретая патерналистский характер, получала возможность пользоваться опорой и поддержкой определенных слоев общества. При этом индивидуальная свобода, возможная лишь в рамках правового равенства, ограничивалась: одни боялись утратить льготы, другие искали способы их приобретения. Так формировалось право эпохи социализма, так оно формируется и теперь, может быть, с меньшим размахом, но зато с большим цинизмом.

С принятием УПК РФ 2002 г. появились правовые привилегии уголовно-процессуального характера. Его раздел – «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» – откровенно и глумливо для всего общества практически выводил из сферы действия уголовного закона ту часть чиновничества (депутаты, судьи всех уровней, высшие должностные лица и пр.), которая должна бы демонстрировать уважение к закону, обеспечивать его торжество и нести повышенную ответственность за отступления от требований права. В государстве создавалась каста т. н. элиты, защищенной от ответственности за служебные злоупотребления юридическим иммунитетом. Такое решение было подготовлено программным документом в виде Указа Президента РФ от 6 июля 1995 г. «О разработке концепции правовой реформы в РФ», который, вопреки положениям Конституции РФ, не содержал указания на обеспечение равенства прав граждан России. Создавался тепличный режим для коррупции, борьба с которой, реальная или мнимая, составляет ныне предмет политических спекуляций.

Независимость суда представляется важнейшей демократической ценностью, если известен ответ на вопрос, независимость от чего и в чьих интересах. Гипертрофированная независимость, как показывает практика, вполне может сочетаться с безответственностью и откровенной защитой клановых привилегий, если объективность и истина изгоняются из числа принципов правосудия. Безмерный юридический иммунитет депутатов вёл к созданию правовой системы, отражающей интересы не общества в целом, а определенных группировок, нередко неприкрытого криминального характера. Господство практики, игнорирующей важнейший принцип правового регулирования – принцип формального равенства всех перед законом – *подрывает уважение к праву и иным социальным нормам, снижает возможности обеспечения законности и справедливости.*

Всё это не может не снижать уровень эффективности усилий правоохранительной системы в её попытках борьбы со служебными злоупотреблениями. И не потому ли из уголовно-процессуального законодательства реформаторами исключено требование воспитания граждан в духе уважения к праву и морали как одной из целей судопроизводства: правосознание потенциальных воспитателей ущербно изначально и на решение такой задачи не ориентировано.

Ныне вопрос защиты прав человека подвергнут новым испытаниям путем преднамеренного размывания самого этого понятия. Речь уже не идёт о защите основополагающих, естественных и неотчуждаемых прав человека, таких, как право на жизнь, здоровье, имущество, доброе имя. Появилась новолиберальная концепция прав: право на мужеложство и однополые браки, право на «личную жизнь» (прайвеси), включающую недопустимость общественного вмешательства в неё даже в случаях совершения действий, пагубных для личности как члена социума. Правозащитные организации уже поднимают голос против принудительного тестирования школьников на применение наркотиков! Побеждает рыночная мораль, стимулирующая и оправдывающая доход и успех на крови. Следование общечеловеческим нравственным ценностям объявляется делом постыдным, достоянием пещерных предков. Гуманизм либеральных правозащитников распространяется скорее на преступников, нежели на жертв преступлений. Отсюда их настойчивость в осуждении смертной казни даже по отношению к серийным убийцам, отсюда же и защита педофилов от возможного применения кастрации. Извращение нравственного сознания в этих случаях проявляется в нарушении субординации ценностей: предпочтение отдаётся правам и интересам потерявшего человеческий облик преступника и нувориша в ущерб интересам общества и законопослушной личности.

Преодоление такого рода взглядов и установок составляет актуальную задачу правовой идеологии и законодателя. Последний должен иметь четкое представление о перспективах развития субъективных прав личности и способах их защиты. А пока общественное мнение может лишь констатировать перекосы правовой действительности и возмущаться без надежды на позитивные изменения. Престиж права и правоохранительной деятельности упал до позорной отметки, о чем свидетельствуют результаты многочисленных социологических опросов²¹. И нам не удержаться от приведения соответствующих оценок известных соотечественников, высказываемых ныне в печати с риском навлечь неприязнь сильных мира сего.

Журналист Наталья Метлина, известная вкладом в «Специальные расследования», говорит: «Помню, как после расследования по так называемому «делу Mabetex» мне звонил Павел Павлович Бородин и кричал: «Ты со своим другом Боровиком поедешь у меня в одном вагоне! Я вас в магаданских тюрьмах сгною!» Но, озвучивая факты об отмытых им миллионах при реконструкции Большого Кремлевского дворца, счетах в швейцарском банке, как Бородина, так и членов семьи Ельцина, я готова была подписаться под каждым своим словом»²². Однако г-н Ельцин после добровольной отставки сподобился государственной награды «За заслуги перед Отечеством», а г-н Бородин до сих пор строит Союзное государство с Белоруссией.

---

²¹ Центром социального прогнозирования в октябре-декабре 2005 г. проведено анкетирование 2511 респондентов, отобранных соответственно с моделью комбинированной выборочной совокупности. Целью опроса являлось изучение отношения граждан РФ к деятельности органов Судебной власти. Итог удручает. Только 19 % опрошенных высказали ту или иную степень доверия деятельности судебных органов. При этом, безусловно доверяющих судам оказалось лишь 7 %. (Аналитическая записка по итогам реализации проекта «Социологическое исследование по изучению отношения граждан РФ к деятельности органов Судебной власти» М. 2005 г.). На предложение указать, какой из государственных структур они более всего доверяют, респонденты ответили: Армии – 29,7 %, Органам безопасности – 12,5 %, Милиции – 10,6 %, Суду – 9,8 %, Прокуратуре – 6,7 %, Налоговой инспекции – 7,5 %, никому из перечисленных – 37,4 %. («Престиж органов прокуратуры». М. 2001 г. с. 59). Нет оснований полагать, что эти оценки за последние годы стали более благоприятными для правоохранительных органов и суда. Опросы Левада-Центра в 2009 г. показали, что отношение граждан к милиции ухудшается из года в год и 68 % из числа респондентов связывают эти оценки с «разложением и коррупцией всей правоохранительной системы (суда, прокуратуры) и отсутствием должного контроля руководства страны за их деятельностью».

²² Сергей Грачёв – Здравствуйте, я ваша мафия. АИФ № 42, 20–26 октября 2010 г., стр. 14.

«Законы наши сделаны таким образом, – утверждает известный деятель отечественной культуры пианист Николай Петров, – чтобы предоставить режим наибольшего благоприятствования жуликам, ворам и взяточникам»²³. Кто опровергнет это утверждение? Уже много лет высшая власть объявляет «решительную борьбу» со взяточничеством и коррупцией в эшелонах власти. И вот что сообщает читателям Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка: «По сравнению с первой половиной 2009 г. выявленных случаев коррупции стало меньше на 11 %, снизилось количество уголовных дел и количество чиновников, привлеченных к ответственности. При этом большинству из них (55 %) удалось отделаться условным сроком, 26 % присудили штраф, и только 16 % мздоимцев лишили свободы. По статистике, средний размер взятки вырос с 23,1 до 30,5 тыс. руб.»²⁴ Таковы «успехи» борьбы с наиболее страшным злом – всеохватывающей коррупцией, делающей граждан страны и беззащитными, и фактически – бесправными при очень хорошей Конституции.

Несмотря на продолжающуюся судебную-правовую реформу в реальной правовой жизни и в общественном мнении не произошло существенных сдвигов в пользу положительных оценок состояния дел в области защиты прав человека. Видимо, этим следует объяснять официально провозглашаемые усилия по продолжению реформ суда – главной надежды на защиту от произвола. Об этом свидетельствуют Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 года № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы» и Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 о Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы», реализуемой в настоящее время. Большие надежды возлагаются на реформу системы МВД РФ, преобразование милиции в полицию с обновленными требованиями к кадрам, с созданием правовых и организационных условий их ориентации на защиту рядовых граждан.

В сфере защиты прав человека и жертв преступлений, в частности, задействованы не только правоохранительные органы и суд, но и многие другие государственные и общественные институты: службы аппарата управления, система уполномоченных по правам человека, адвокатура, неправительственные правозащитные организации и др. Так, Уполномоченный по правам человека в РФ много лет тому назад, оценивая сложившуюся ситуацию, подчеркивал в качестве «актуальной задачи нашего времени» – коренным образом изменить отношение государства и общества к проблемам жертв террористических акций и иных преступлений²⁵. Но заметных изменений пока не происходит.

В последнее время в юридическом сообществе активизировалась дискуссия о путях развития законодательства в сфере оказания квалифицированной юридической помощи. Предполагается, что деятельности адвокатуры в этой сфере недостаточно. В одном из своих решений Конституционный Суд РФ отметил: «...Содержащееся в статье 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации положение о том, что каждому гарантируется получение квалифицированной юридической помощи, означает конституционную обязанность государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой юридической помощи, но не обязанность потерпевшего и гражданского истца пользоваться помощью только адвоката»²⁶.

---

²³ Юлия Шигарёва – «Я – за честную игру». Пианист Николай Петров – о детях, взятках и ЕГЭ. АИФ№ 42, 20–26 октября 2010 г., стр. 3.

²⁴ АИФ № 42, 20–26 октября 2010 г., стр.11.

²⁵ См. «Защита жертв террористических актов и иных преступлений». Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ О.О. Миронова. М. «Юриспруденция» 2003 г., стр. 62.

²⁶ Из Определения Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. N 25-О «По жалобе гражданки Ивкиной Валентины Оноприевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Заботой о защите прав человека продиктован вынесенный Минюстом РФ в 2010 г. на обсуждение проект закона «О системе бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Его целями являются: обеспечение гарантированного Конституцией Российской Федерации права граждан на бесплатную юридическую помощь; повышение уровня социальной и правовой защищенности малоимущих граждан, а также иных указанных в настоящем федеральном законе категорий граждан; обеспечение их доступа к правосудию, содействие в реализации их прав, свобод и законных интересов; повышение правовой культуры населения, противодействие правовому нигилизму (из статьи 2).

Проектом определена Система бесплатной юридической помощи в Российской Федерации, которая состоит из: государственной системы бесплатной юридической помощи и негосударственной системы бесплатной юридической помощи.

«Государственная система бесплатной юридической помощи включает государственные центры бесплатной юридической помощи (государственные юридические бюро), а также федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В целях настоящего Федерального закона к государственной системе бесплатной юридической помощи относятся также органы местного самоуправления.

Адвокаты участвуют в оказании гражданам бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Негосударственная система бесплатной юридической помощи включает негосударственные центры бесплатной юридической помощи, организованные адвокатами и их объединениями, нотариусами и их объединениями, общественными организациями, политическими партиями, юридическими клиниками при образовательных учреждениях высшего профессионального образования (далее – высшие учебные заведения), а также иными частными лицами» (из ст. 12).

Открытым остаётся вопрос, каким образом будет контролироваться уровень бесплатной юридической помощи, особенно правовой помощи, оказываемой «иными частными лицами». За этим туманным словосочетанием скрываются десятки тысяч частнопрактикующих юристов – свободных предпринимателей на рынке правовых услуг. Они не имеют официального правового статуса, и рассматриваемый проект не содержит попыток его определения, хотя вопрос этот заслуживает самого пристального внимания. Гарантированная Конституцией РФ каждому «квалифицированная юридическая помощь» может в определенных случаях оказаться её профанацией.

В проекте подчёркивается, что «бесплатная юридическая помощь не оказывается по вопросам, связанным с уголовным судопроизводством» (Статья 18). *Это означает, что и жертвы преступлений, и потерпевшие окажутся за пределами предлагаемых нововведений.*

Исследуя проблемы правовой и социальной защиты наиболее уязвимой и многочисленной части нашего общества – **жертв преступных посягательств**, – мы увидим их удручающее положение, обусловленное не только особенностями правоохранительной практики и правосудия, но и недостатками законодательства, игнорирующего демократические положения Конституции РФ, общественное мнение и научные рекомендации. Для общественных наук и прежде всего юридической науки привлечение внимания общественности и законодателя к проблемам правовой и социальной защиты жертв преступлений является одной из актуальных задач.

§ 2. Международные пакты о правах человека и защите жертв преступлений

Одним из несомненных завоеваний в ходе демократических преобразований в России конца XX века явилось признание отдельных достижений мировой правовой мысли. Россия стремительно входила в правовое поле современной цивилизации европейского типа. По крайней мере, декларативно. Конституцией РФ 1993 г. было установлено:

«Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ст. 15 ч. 4). Под общепризнанными принципами и нормами международного права имелись в виду, прежде всего, пакты о правах человека и их защите, принятые Организацией Объединенных Наций. Важнейшими из них, имеющими непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме, являются:

– Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года.

– Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950, вместе с последующими дополняющими протоколами – см. Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. ст. 163).

– Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.)

– Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г.

– Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые 14.12. 1990 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/110²⁷.

– Решения VII и VIII Конгрессов ООН (Милан, 1985 г., Гавана, 1990 г.) по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

– Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века (Принята по итогам работы X Конгресса Генассамблеей ООН)²⁸.

Генеральная Ассамблея ООН Резолюцией 26/261 от 31.01.02 приняла Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века²⁹. Раздел X Декларации предусматривает: поощрять создание фондов для жертв преступлений (п. 30b); содействовать применению средств примирения сторон, главным образом в случае мелких правонарушений. Для этого предлагалось использование посредничества (медиации), возмещения ущерба или соглашений, на основе которых правонарушитель предоставляет потерпевшему компенсацию (п. 47.c); содействовать формированию условий, благоприятствующих посредничеству и реституционному правосудию, среди правоохранительных, судебных и социальных органов, а также местных общин (п. 47.d).

Вопросы т. н. *реституционного правосудия* привлекли внимание X Конгресса Экономического и Социального Совета ООН, который принял Основные принципы применения

²⁷ Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: Издательская группа Норма – Инфра-М. 1998. С. 217.

²⁸ Резолюция 55/59, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 04.12.2000 г. «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века». // Документ ООН A/RES/55/59. 17 January 2001.

²⁹ Документ ООН A/RES/56/261, 15 April 2002.

программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия³⁰, и рекомендовал государствам опираться на них при разработке и практическом осуществлении программ такого правосудия. Реституционными признавались такие процессы, в ходе которых преступники и потерпевшие, пострадавшие от преступления, участвуют непосредственно либо через посредников в решении вопросов, связанных с преступлением. При этом акцент в таких случаях делается на социальную реинтеграцию потерпевших и преступников.

Реализация всех этих решений ООН, касающихся принципов защиты прав личности (жертв преступных посягательств, в частности), возлагалась на законодателей стран сообщества, а их практическое воплощение ожидалось от практикующих юристов. В этой связи были подготовлены:

– Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.).

– Основные положения о роли адвокатов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке).

Вступление России в Совет Европы (февраль 1996 г.) и подписание Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод вело к распространению на правовой статус граждан нашей страны европейских стандартов в области прав человека и условий их защиты.

В отечественный правовой обиход входили акты Совета Европы.

– Европейская конвенция о выплате компенсации жертвам тяжких преступлений (Совет Европы. Правовые вопросы);

– Резолюция (77) 27 Комитета министров Совета Европы о компенсации потерпевшим от преступлений (Принята 28 сентября 1977 г.).

Ряд положений Совета Европы касался вопросов правовой помощи, распространяясь на жертв преступлений. К ним относятся:

– Рекомендация Комитета министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката (принята Комитетом министров Совета Европы 25 октября 2000 г.);

– Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «Относительно путей облегчения доступа к правосудию»; и от 8 января 1993 г. № R (93) 1 «Об эффективном доступе к праву и правосудию малообеспеченных» и др.

Основополагающим международным пактом, сыгравшим значительную роль в развитии национальных правовых систем, является Всеобщая Декларация прав человека (ООН, 10 декабря 1948 года). В её формулировках принципов и норм, касающихся прав человека, мы не найдём прямых указаний о статусе жертв преступных посягательств, однако ряд положений с несомненностью выводит на проблемы защиты личности от преступлений. Приведём некоторые из них. «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (статья 3); «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» (статья 8); «Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены» (статья 28).

Главным международным пактом о защите жертв преступных посягательств является «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью», принятая Генеральной Ассамблеей ООН в виде резолюции (1985 г.). Мы рискнём привести значительные по объёму выдержки из этого документа по двум причинам. Во-пер-

³⁰ Резолюция Экономического и Социального Совета 2002/12 «Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия». // Резолюции и решения, принятые Экономическим и Социальным Советом на его основной сессии 2002 года (1–26 июля 2002). Документ ООН E/2002/INF/2/Add.2, 13 August 2002. С. 60–65.

вых, потому, что наш законодатель не торопится инкорпорировать его положения в отечественное право; во-вторых, потому, что правоприменитель, хотя и ориентированный на использование общепризнанных международных принципов и норм, действует чаще всего по старинке, руководствуясь правилами УПК РФ. Последние, хотя и обновлены, но не ушли от привычных традиций.

Итак, Декларация в преамбуле *«напоминает, что миллионам людей во всем мире наносится ущерб в результате преступлений и злоупотребления властью и что права этих жертв не признаются должным образом; подтверждает необходимость принятия национальных и международных мер по обеспечению всеобщего и эффективного признания и уважения прав жертв преступлений и злоупотребления властью; призывает государства-члены принять необходимые меры по осуществлению положений, содержащихся в Декларации»*. В целях ограничения виктимизации, государствам-членам следует принимать усилия по осуществлению социальных мер, мер в области здравоохранения, включая охрану психического здоровья, образования, экономики, а также конкретных мер по предупреждению преступности в целях сокращения виктимизации и содействия предоставлению помощи жертвам, находящимся в бедственном положении; по созданию и укреплению средств выявления, судебного преследования и наказания виновных в совершении преступлений и пр., и пр.

Под термином «жертвы» Декларацией «понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью». В соответствии с Декларацией то или иное лицо «может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, передан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой. Термин «жертва» в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию». В п. 4 Декларации подчеркивается, что «к жертвам следует относиться с состраданием и уважать их достоинство. Они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством. Предусматривается предоставление надлежащей помощи жертвам на протяжении всего судебного разбирательства; обеспечение их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести; предотвращение неоправданных задержек при рассмотрении дел и выполнение постановлений или решений о предоставлении им компенсации. Нормы Декларации предусматривают возможность реституции и компенсаций жертвам не только за счет виновных, но и в необходимых случаях – за счет государства и социальных фондов.

Отдельный раздел Декларации посвящен вопросам защиты жертв злоупотреблений властью.

К вопросам социальной и правовой защиты жертв преступлений ООН периодически обращается в решениях своих конгрессов и работе комиссий. Так, в материалах IX Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, 29 апреля – 8 мая 1995 г.) содержится раздел IV о жертвах преступлений. В нем отмечаются определенные успехи в реализации странами Содружества положений «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью». В частности, речь идет о признании роли потерпевших в процессе уголовного правосудия, оказании услуг потерпевшим, более широком использовании принципов компенсации и реституции. Содержатся напоминания о наиболее конструктивных идеях, предложенных локальными конференциями

и семинарами по защите жертв преступлений. Ими являются, в частности, вопросы реформирования системы уголовного правосудия с целью более надежной защиты нужд и прав жертв преступления, расширения услуг адвокатов потерпевшим.

Значение IX Конгресса ООН следует видеть, прежде всего, в том, что его участникам удалось преодолеть традиционный подход к проблеме защиты прав человека, при котором всегда и неизменно в центре внимания оказывались права и интересы лица, виновного в совершении преступления либо привлекаемого к уголовной ответственности. *Конгресс перенес акцент с приоритетной защиты прав правонарушителя на приоритетную защиту жертвы правонарушения и общественных интересов*, поставив соответствующие задачи перед уголовным, уголовно-процессуальным законодательством и виктимологическим разделом криминологической науки. К сожалению, разработчиками нового УПК РФ эти призывы Конгресса ООН услышаны не были. Конституционному Суду РФ и до принятия нового УПК, и в условиях его действия постоянно приходится сталкиваться с необходимостью проверки его норм на соответствие Конституции РФ. При этом в поле зрения включаются и отдельные нормы о правах потерпевшего, ставящих его в неравное положение со стороны защиты. Председатель КС РФ в этой связи замечает: «...В стремлении защитить права обвиняемого, что в новых условиях было крайне необходимо, законодатель в определенной степени упустил из виду права потерпевших. Между тем их права – не менее важная конституционная ценность. Без баланса этих ценностей немислимо правовое государство»³¹.

Перспективной идеей является наминаемое в документах IX Конгресса ООН предложение **о создании типового закона о правах жертв и кодекса обращения с жертвами преступлений**, обсуждавшаяся на международном симпозиуме в Аделаиде (Австралия).

Европейская конвенция «О компенсации ущерба жертвам насильственных преступлений» (23 ноября 1984 г.) содержит ряд важных принципов возмещения убытков. В основе этих принципов лежало осознание объективной реальности, состоящей в том, что интересы потерпевших далеко не всегда могут быть удовлетворены за счет реституции. Причин тому несколько: неплатёжеспособность большинства преступников, причинивших ущерб жертве, применение мер наказания, лишаящих осужденных иметь доходы для возмещения ущерба, латентность преступлений. Конвенция устанавливала: если возмещение убытков не может быть обеспечено за счет виновного и из других источников, государство должно взять это на себя в отношении тех, кому в результате умышленного насильственного преступления был нанесен серьёзный урон физическому состоянию или здоровью, а также в отношении тех, кто находился на иждивении погибшего в результате такого преступления. Компенсация должна покрывать следующие части ущерба: потерю дохода, затраты на лекарства и госпитализацию, затраты на похороны, содержание иждивенцев, алименты. Возмещение ущерба может быть ограничено верхним пределом и сроком, а также уменьшено или отменено с учетом финансового положения запрашивающего, а также в связи с поведением жертвы во время или после совершения преступления. К Конвенции присоединились почти все европейские государства. С 1 февраля 1988 г. она вступила в силу. Рекомендации Европейской Конвенции нашли воплощение и развитие в национальных программах государственной компенсации ущерба от преступлений в странах Европы, США, Канаде. В них, как правило, предусматривается государственный орган, в который следует обращаться за компенсацией, минимальный и максимальный размер компенсации в денежном выражении, размер выплаты в зависимости от тяжести характера телесных повреждений и их связи с утратой трудоспособности и пр.

Одной из первых стран, в которой были созданы общественные фонды помощи жертвам преступлений и учрежден Совет по компенсациям ущерба, явилась Шотландия. Её опыт по определению шкалы денежных компенсаций с учетом характера физического вреда, при-

³¹ Зорькин В.Д. – Не теряйте веру в торжество закона. Российская юстиция. 2006 г. № 3, с. 3.

чиненного жертве, был воспринят многими странами Британского содружества наций. Так, к примеру, перелом челюсти оценивался в 2750 ф. ст., перелом суставов – 2500 ф. ст., шрам на лице мужчины – 6000 ф. ст., на лице женщины – 9000 ф. ст., потеря одного глаза – 20000 ф. ст. и т. д. Эти суммы не являлись неизменными, выполняя ориентирующую роль. Реальные выплаты зависели от состояния экономики, размеров отчислений в общественные фонды, поведения потерпевшего в момент совершения преступления, его сотрудничества с полицией в ходе раскрытия преступления и пр.

В феврале 1990 года Англией принята Хартия жертв преступлений, в которой нашли отражение общие принципы защиты жертв преступлений, включая проблемы компенсаций.

В США Федеральный закон о защите жертв преступлений был принят 12 октября 1984 г. Им была упорядочена сложившаяся до этого в штатах различная практика помощи жертвам. Революционный характер этого закона был связан с созданием Федерального фонда помощи жертвам, выделяемой в дополнение соответствующих программ, существовавших в отдельных штатах. Размеры этой помощи увеличивались из года в год. К 1993 году выплаты компенсаций ущерба 150 тысячам потерпевших составили 260 млн. долларов. Компенсации в большинстве штатов выплачиваются за физический ущерб от насильственных преступлений, включая в себя расходы на медицинскую помощь, на возмещение временной потери трудоспособности и заработка. Право на получение государственной компенсации имеют сами потерпевшие, их родственники, а также те, кто пытался пресечь преступление и задержать преступника.

В 1990 году в США принят Федеральный закон, в котором выделены принципы судопроизводства в отношении жертв преступлений. Декларировано право на справедливое и уважительное отношение к потерпевшим с соблюдением достоинства личности и конфиденциальности; право на защиту от обвиняемого; право быть информированным о судебном заседании, представлять свои интересы и быть выслушанным; право на реституцию и, наконец, на информацию об обвинении, приговоре, об отбывании наказания преступником и дате его освобождения из заключения.

Российское законодательство в решении подобных вопросов существенно отстает. Оно ограничивается краткосрочной оплатой больничных листов, бесплатной медицинской помощью жертвам, как и всем гражданам, назначением и выплатой пенсий в случае установления инвалидности. Жертвам террористических актов выплачиваются и единовременные пособия и компенсации. В отношении правовой защиты жертв и потерпевших действуют нормы материального права и процессуального законодательства. УПК РФ содержит нормы о потерпевшем и гражданском истце. Чаще всего эти процессуальные фигуры совпадают. «Потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям статьи 131 настоящего Кодекса. По иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства» (из ст. 42 УПК РФ).

«Гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда» (из ст. 44 УПК РФ).

Пленум Верховного суда РФ в своих постановлениях обращает внимание судов общей юрисдикции на выполнение этих требований закона. Так, в Постановлении «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 г. (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 N 7) в п. 21. указывается: «Судам надлежит иметь в виду, что лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе также предъявить граж-

данский иск о компенсации морального вреда, которая в соответствии с законом осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При разрешении подобного рода исков следует руководствоваться положениями ст. ст. 151, 1099, 1100, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение и другие конкретные обстоятельства дела, влияющие на решение суда по предъявленному иску. Во всех случаях при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования справедливости и соразмерности».

Пленум Верховного суда РФ, рассматривая практику денежных компенсаций морального вреда, проявляет осторожность, уклоняясь от оценки взыскиваемых в пользу потерпевшего сумм. «Компенсация морального вреда виновным должностным лицом или гражданином либо средством массовой информации определяется судом при вынесении решения в денежном выражении».

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 №. 6)

При определении размера такой компенсации суд принимает во внимание обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации»³².

Как видим, в руководящем разъяснении высшего органа судебной власти повторяются нормы законодательства без дополнения какой-либо новой информацией о судебной практике по поводу денежного выражения компенсаций потерпевшему. Это порождает решения, ставящие размер взыскания в зависимость от социального статуса сторон и произвольного усмотрения судьи. Нередко взыскания носят символический характер.

В ряде стран в последние 2–3 десятилетия приобретают популярность различные виды альтернативной юстиции в виде примирительных процедур. И это не только известные нашей отечественной практике Третейские суды, решающие гражданско-правовые споры на компромиссной основе. Это и примирительные способы решения уголовно-правовых конфликтов по делам, не представляющим большой общественной опасности. Чаще всего эта форма распространяется на дела несовершеннолетних, которые при этом, как правило, изымаются из сферы официального правосудия.

В июле 1995 г. в г. Барселоне Совет Европы провел Панъевропейский семинар с повесткой дня, вполне отвечающей духу Каирского Конгресса ООН. **«Урегулирование отношений между жертвой и преступником: подходы, проблемы, достижения в их решении»**. Россия к тому времени не входила в Совет Европы и ее представители участвовали в семинаре в роли приглашенных гостей.

Основная идея концепции была выражена во вступительном докладе как восстановление справедливости. Были заслушаны: обзорный доклад «Положение потерпевшего при отправлении уголовного правосудия» по материалам западноевропейских стран и стран Восточной Европы, а также региональные доклады на тему: «Урегулирование отношений между жертвой и преступником: правовые основы и практика».

Излагался опыт Австрии, Франции, Норвегии, Испании, Великобритании. *Суть этого опыта сводится к созданию специального органа примирения потерпевшего с обвиняемым на основе возмещения вреда, причиненного преступлением*. Таковым, как правило, выступает примирительный совет при муниципалитете, состоящий из представителя муниципалитета («медиатор» – примиритель) и местных активистов. Дело в совет поступает из орга-

³² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18 августа 1992 г. (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.1993 г. и 25.04.1995 г.) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан и юридических лиц».

нов прокуратуры или суда и обычно касается преступления несовершеннолетнего, иногда и взрослого преступника, но малозначительное по своему характеру.

Адвокаты и официальные лица судебной системы в примирительной процедуре не участвуют, примирение не может быть принудительным. При достижении соглашения соответствующий документ направляется в прокуратуру или суд, и на этом деятельность органов уголовной юстиции по делу прекращается, при условии, если стороны исполняют соглашение и конфликт ликвидируется.

Эта практика оценивается положительно, как способствующая снижению социальной напряженности, обеспечению интересов жертвы преступления и благотворно влияющая на уровень преступности, являясь важным профилактическим средством.

Примирительные процедуры в отечественном судопроизводстве, хотя и не прописанные в законе, использовались в определенной мере при прекращении уголовных дел в связи с деятельным раскаянием лица, впервые совершившего малозначительное преступление (статья 7 УПК РСФСР), и в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим (статья 9 УПК РСФСР). В первом случае одним из условий прекращения дела было требование, чтобы лицо, совершившее преступление, «возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления» (ст. 75 УК РСФСР). При этом от потерпевшего не требовалось согласия на такое решение и за ним сохранялось право обжалования постановления органа расследования или определения суда о прекращении дела. Примирительная процедура в этом случае не предусматривалась, но практически должностные лица (прокурор), принимавшие решение о прекращении дела, во избежание конфликтов проводили соответствующие собеседования с обвиняемым и потерпевшим. Во втором случае – прекращение дела за примирением обвиняемого с потерпевшим – допускалось по малозначительным преступлениям и по делам о преступлениях средней тяжести. Однако при этом требовалось не только загладить причиненный потерпевшему вред, но и проявление активного волеизъявления потерпевшего о примирении путём подачи соответствующего заявления. Разумеется, такое примирение чаще всего сопровождалось разъяснениями со стороны автора постановления (определения), а нередко и адвоката. Используются примирительные переговоры и при рассмотрении дел частного обвинения судами (ст. 27 УПК РСФСР). Следует отметить, что существование такой практики не привело в то время в законодательстве к появлению таких понятий, как примирительные процедуры, либо медиация.

В новых условиях, связанных со снижением роли общественности в уголовном судопроизводстве (отказ от участия в процессе общественных обвинителей и защитников, от практики прекращения дел с передачей обвиняемого на поруки трудовому коллективу либо на рассмотрение товарищеского суда), признаётся целесообразным расширение применения примирительных процедур. В последние годы эта идея обретает все большую популярность в России. Практика медиаторства (медиации), как содействие третьей стороны в поисках соглашения в спорной или конфликтной ситуации, относительно уверенно внедряется в сферу гражданско-правовых конфликтов.

Предпринимаются попытки её правового оформления, организационного упорядочивания и перенесения в сферу уголовно-процессуальных правоотношений³³. Сторонами конфликта в этом случае окажутся преступник (точнее, с учётом презумпции невиновности, –

---

³³ См. Воскобитова Л.А. – Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России. *Мировой судья* № 1 2007 г.; Кузнецова А.Е. – Медиация конфликта. *Учёные труды РААН* № 3 2008 г. Стр. 88–96; Семеняко М.Е. – Посредничество (медиация) в системе альтернативных способов разрешения конфликтов. *Учёные труды РААН* № 1 2009 г. с. 43–48; Панасюк А.М. – Актуальность альтернативного разрешения споров в современной России. *Учёные труды РААН* № 2 2009 г. с. 36–41.

подозреваемый, обвиняемый, подсудимый) и жертва. На роль медиатора претенденты пока чётко не определились, но среди них явно просматривается фигура адвоката.

Новый УПК РФ 2001 г. сохранил нормы о прекращении дела небольшой и средней тяжести в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), если после совершения преступления лицо добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным (ст. 75 УК РФ). Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 25 УПК и 76 УК РФ) предусмотрено в случае, если лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.

В научных публикациях отмечается, что институт примирения не только снижает конфликтность в сфере уголовно-процессуальных отношений, но и создаёт для потерпевшего возможности выработки приемлемых условий, порядка и сроков совершения обвиняемым конкретных действий, направленных на возмещение материального и морального вреда. Появление в УПК РФ раздела X об особом порядке судебного разбирательства, при котором исключается необходимость исследования доказательств, повышает значение позиции потерпевшего и способствует возмещению вреда. Упрощенный порядок осуществления правосудия допускается по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы, при условии согласия подсудимого с предъявленным обвинением, а также при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего. Реализация этих условий предполагает предварительные переговоры участников процесса о примирении.

Государственной Думой 5 июня 2009 года принят ФЗ О внесении изменений в УК и УПК РФ, связанных с введением нового института уголовного права и процесса о порядке, условиях и правовых последствиях *заключения досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемого (обвиняемого) с органами уголовного преследования и судом*. Такое соглашение призвано облегчить раскрытие преступлений, стимулируя подозреваемого (обвиняемого) рядом правовых льгот. К сожалению, и этот закон и внесенные в связи с его принятием многочисленные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ никак не связаны с положением потерпевшего, не облегчают возможности получения им компенсаций ущерба. Напротив, предусматриваются некоторые ограничения в представлении ему материалов дела для ознакомления, а правовые льготы для «сотрудничающего» преступника вполне могут вести к ущемлению его интересов в плане возмещения морального вреда.

Как видим, развитие отечественного законодательства в области защиты прав человека в значительной мере ориентировано на общепризнанные принципы и нормы международного права. Вместе с тем имеются и достаточные основания для утверждения о том, что практика их применения недостаточно последовательна, а во многих случаях отстаёт от мировых стандартов в защите прав человека, в частности, жертв преступных посягательств. В этой связи для теории права актуализируется вопрос о значении общепризнанных принципов и норм международного права для развития национальных правовых систем. Общий характер содержащихся в них рекомендаций, отсутствие механизмов реализации привели к тому, что в международном праве утвердилось правило, согласно которому выбор способов осуществления его норм оставляется на усмотрение государства³⁴

---

³⁴ Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб. 1993. С. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.